

отождествлению со своими объектами; познанием и волею должна она выстрадать свое тождество с другими людьми, чтобы признать себя в них и их в себе, и всех вместе — единым народным духом;¹ и, наконец, она должна творческою² жизнью в едином народном духе, подлинно усвоить себе его всеобщую волю и его всеобщие цели³ и превратить вещественную обстановку народной жизни в покорное тело народного духа. Это и есть путь к объективной свободе духа; она достигается только через осознание и осуществление всеобщей воли как „источника всех единичных волей“.⁴

Так возникает учение Гегеля о праве, морали и нравственности. Все эти ступени объективного духа представляют из себя, прежде всего, состояния или модификации субъективно-зрелой воли, т. е. разумной, свободной и субъективно-всеобщей. Этим и определяется их родовая сущность.

Глава шестнадцатая

ПРАВО

Можно установить в науке как общее правило, что сущность вопроса и характер его постановки предопределяют собою содержание отвечающей теории и притом, чем сильнее и зрелее мысль ученого, тем эта связь между вопросом и ответом оказывается теснее и глубже. Философия права Гегеля является тому поучительным примером. Комментатор и критик будут рисковать непониманием ее до тех пор, пока не вскроют с полной ясностью самую проблему, поставленную Гегелем. А проблема его вырастает из глубоких корней его общего метафизического воззрения.

Философия права Гегеля есть зрелый и естественный плод его метафизики. Вся сложность, вся тяжеловесность и вся самобытная глубина его философии перенесены им и в эту область, и в результате один из наиболее сложных предметов научного знания получил самое необычайное и явно переобремененное истолкование. Эта необычайность выражается уже в том, что Гегель пользуется основными терминами юриспруденции в совершенно своеобразном и трудно уловимом значении, так что мыслителю-юристу, требующему от своих построений прежде

¹ См. главы восемнадцатую и двадцатую. ² Enc. III. 373—374. ³ Enc. III. 359. Recht. 313. ⁴ „Quelle aller Einzelner“. Ph. G. 44.

всего граненой ясности и строгой определенности, все это учение может показаться сначала бесплодной и ненаучной фантазией.

Интуитивный подход, предпринятый из логических и метафизических основ его учения, может, однако, пролить много света на эту своеобразную теорию и обнаружить ее плодотворную глубину. Эта глубина определяется тем, что Гегель трактует право и нравственность, исходя из особого предметного опыта, но сосредоточивается при этом не на данных привычного юристу и общедоступного, повседневного правового опыта, а на „духовной“ сущности и на „духовном“ значении правовых и нравственных *состояний*.

В качестве истинного философа Гегель видит в праве, нравственности и государстве, как и во всем другом, то, что дает ему его *предметный опыт*. Это означает, что „дедукция“ и „конструкция“, в смысле логического выведения из априорных определений, составляют лишь внешнюю методическую видимость его философии права. Все основное содержание его теории добыто путем *опытного исследования*, и в этом он остается верен себе как в логике, психологии, эстетике, так и в науке права. Однако здесь возможны недоразумения.

Опыт, которым движется и на основании которого создается философия Гегеля, *не* есть опыт в *обычном* смысле этого слова. Он сам знает о „неэмпирическом“ характере своей философии права и настаивает на нем открыто и принципиально. Если в основу науки права положить *эмпирическое наблюдение*¹ и *рассудочное мышление*² о добытом материале, то получится не истинная, не философская наука. Такое наблюдение неизбежно отправлялось бы от эмпирического многообразия правовых и нравственных явлений,³ регистрируя их и затем подвергая их содержание формальной обработке. *Историческую* индукцию Гегель считает прообразом такого пути; но именно она-то и неприемлема для него по общим и принципиальным основаниям.

Эмпирическое наблюдение распыляет все события мира, рассматривая их как случайные агрегаты разрозненных, единичных деталей.⁴ Но это значит, что оно ослеплено внешней, *иллюзорной видимостью* божественной жизни и гонится за миражем. Эмпирическая история пытается установить причинную связь в этих событиях. Но это означает, что она подводит видимую поверхность явлений под рассудочные категории, как это разъяснено у Канта, и утешается мнимой необходимостью случайных связей. Эмпирическая наука завершается системой абстрактных понятий, и понятия ее утрачивают живое, предметное содержание

¹ Ср.: W. Beh. 323. 328. 331. 337. Enc. I. 84.   ² W. Beh. 328. 359. 360. 397. 417. Ph. G. 50.   ³ W. Beh. 331.   ⁴ Ср.: Recht. 18.

в абсолютных отрывах и противопоставлениях.¹ Одним словом, здесь, как и везде, „опыт“ Гегеля не есть эмпирический опыт, и „мышление“ Гегеля не есть рассудочное мышление.

И тем не менее его философия права есть результат *опыта*, раскрытый *мыслью*. Этот опыт есть *самодеятельный, внутренний опыт, спекулятивно очищенный, выношенный и выстраданный самим Гегелем*, и вслед затем раскрытый им, но, конечно, не в виде психологического описания или субъективного излияния, а в виде философского анализа-синтеза, выполненного над *предметным содержанием опыта*. Гегель сам рассказывает об этом методе познания в „Философии Духа“, в главе, посвященной „интеллигенции“,² и метод его может быть охарактеризован как метод „художественного мышления“, или, вернее, „мыслящей интуиции“, или как метод „предметного усвоения“, или, наконец, как метод философского опыта.³ Следуя этому методу, Гегель собирает всю энергию своей мысли, проникнутой воображением и очищенной от „субъективной рефлексии“,⁴ и посвящает ее интуитивному „отождествлению“ с содержанием представшего ему предмета и, соответственно, „усвоению“ его. Это необходимо ему для того, чтобы овладеть познаваемым содержанием и вскрыть за его неразумным обликом подлинный духовный смысл. Каждый предмет, если он чего-нибудь стоит и сколько-нибудь объективен, имеет свое духовное значение и назначение; это значит, что существенный состав его занимает свое определенное и необходимое место в едином спекулятивном ряду божественного восхождения. Человеческая мысль, философствуя, имеет задачу: указать посредством интуитивного и мыслящего раскрытия каждому предмету его разумную сущность и его место в едином ряду божественной жизни.

Философия права должна выполнить ту же задачу в своей области. Она должна „предметно усвоить“ сущность права, морали, нравственности, добродетели и государства, раскрыть их духовное значение и назначение и указать им их место в ряду *самоосвобождения духа*. Разумная сущность их, которая должна быть раскрыта философией, не придумывается аргюги, не добывается абстракцией и не вкладывается в них извне; напротив, она уже присуща им, она скрыта в них, она есть их „по себе сущая“ (an sich seiend) разумность. Философия права должна сделать ее открытой, осознанной, „для себя сущей“ разумностью; она должна понять их смысл, „высказать“ их Понятие, установить и утвердить их Логос. А для этого необходимо предоставить силы своей души *разуму предмета*, чтобы он мог в них раскрыться.

¹ См. главы первую и вторую.   ² См. главу пятнадцатую.   ³ Ср., напр.: „Naturbeschreibung der Tugenden“: W. Beh. 399.   ⁴ См. главу третью.

Именно так Гегель и формулирует задачу философии права: следует обратиться вниманием к *разуму предмета* и предоставить ему самому развить свое содержание; философ будет только „наблюдать“¹ за имманентным развитием предмета.² Это будет, если угодно, „дедукция“; но не историческая,³ как у эмпириков, и не рассудочная, как у Канта⁴ и у Фихте,⁵ и не геометрическая,⁶ как у Спинозы, а *спекулятивная*: Понятие, т. е. разумное содержание предмета, состоявшее в душе философа, само разовьет из себя свое содержание.⁷ Это будет, если угодно, „интуитивное“ построение; но не плод сердечных пожеланий, или прекраснотушия, или вдохновения,⁸ или субъективного „усмотрения“, а создание *предметной* интуиции, или, выражаясь спекулятивно, продукт мыслящего самосозерцания, осуществленного самим Понятием.⁹ В „Философии права“ это будет самосозерцание и самораскрытие *свободной воли*.

Это не значит, что Гегель *совсем* отрицает эмпирическое и рассудочное правопознание; нет, он только признает за ними вторичное, подчиненное значение. Философское рассмотрение и историческое объяснение права имеют различные задачи, и каждое из них имеет *свою* „сферу“ действия.¹⁰ Постольку они могут сохранять взаимно безразличное отношение.¹¹ Историческое изучение права имеет свои заслуги и подлежит самостоятельной проверке; философия может не касаться его, поскольку оно не выдает своего „объяснения“ за духовное оправдание или за безусловное обоснование.¹² Эмпирия и рассудок не должны превышать свою компетенцию, иначе философии придется указать им их задачу. Однако историческое рассмотрение несомненно выигрывает, если опирается в своих суждениях на философскую точку зрения:¹³ оку историка становится доступной подлинная разумность права и политического бытия.¹⁴

Естественно, что сущность этого философского метода определяется учением о „разумной действительности“, т. е. о том, что *божественный разум есть подлинная сущность всех действительных „явлений“ и „образов“ мира*. Поэтому изобразить право, нравственность и государство, как „действительные“ и потому „разумные“ мировые образы; как необходимые

¹ Ср.: „betrachten“: Recht. 9. Anm.; „Zusehen“: Recht. 23. ² Recht. 23. 65. ³ Recht. 27. 314. 365. ⁴ Ср., напр.: Glaub. 117. W. Beh. 344. ⁵ Ср., напр.: Diff. 242. 247. 248. W. Beh. 344. 362. 363. ⁶ Recht. 290. ⁷ См. еще Recht. 28. 28; особенно Recht. 69. ⁸ Ср.: „Herz“, „Gemüth“, „Begeisterung“: Recht. 9. Anm. 10. 11. 23. 352. Enc. III. 117. 118. 119; ср. главу третью. ⁹ „eigene Arbeit der Vernunft der Sache“: Recht. 66. ¹⁰ „in verschiedenen Sphären zu Hause sind“: Recht. 29. ¹¹ „gleichgültige Stellung gegen einander behalten“: Recht. 29. ¹² „eine an und für sich gültige Rechtfertigung“: Recht. 27; ср.: Recht. 314. ¹³ Ср.: Recht. 30. ¹⁴ Ср. похвалу Монтескье. Recht. 27.

видоизменения Божества, освобождающего себя в мире; как состояния „свободы“, т. е. самоопределяющейся человеческой воли, — значит разрешить задачу философии права и указать эмпирическому правоведению основу для более глубокого понимания предмета.

Эта задача определяет собою основные черты философии права Гегеля.

Он посвящает свое исследование „действительному“ и в то же время „разумному“ праву и называет его „естественным правом“ (Naturrecht). Это название не указывает на „естественное“ или природное происхождение права, или на связь его с воображаемым,¹ „естественным состоянием“: такое состояние, если бы оно когда-нибудь существовало, являло бы порядок насилия и бесправия, и самое верное, что можно было бы сказать о нем, сказано уже Гоббсом: необходимо положить ему конец.² „Естественное право“ как право есть *создание человека*,³ а не природы; „естественно“ же оно потому, что оно определяется „природою самого предмета“, т. е. Понятием,⁴ и притом именно *свободною волею*. Естественное право есть „право разума“ или „разумное право“,⁵ а так как разум есть достояние философии, то оно может быть названо „философским правом“.⁶ Это совсем не означает, что оно есть „должное право“, в противоположность „положительному“ праву. Философия не занимается дедукцией „должного“, построением „норм“ или начертанием идеалов.⁷ Она понимает *сущее, подлинно реальный предмет*. Поэтому неправильно *противопоставлять* естественное право как „идеальное“ положительному, как „реальному“.⁸ Реально именно не „должное“ право и не исторически установленное и применяющееся право, но право *естественное*. Оно реально потому, что оно есть *особое состояние божественной субстанции* — Духа, восходящего к свободе, под видом человеческой воли.

Было бы недостаточно сказать, что естественное право есть безусловная сущность положительного права; оно есть, прежде всего, *модификация абсолютной сущности мира вообще*. Дух, определяя себя к свободе и достигнув субъективно-зрелого состояния — разумной воли, придает себе характер *права*. Это означает, что право есть одна из необходимых ступеней Духа, в его метаморфозе. „Право“ есть первое определение субъективного духа, вступившего в объективную сферу; это есть „дух в виде права“ или „правовое состояние духа“. Поэтому естественное

¹ „ein Naturzustand erdichtet worden ist“: Enc. III. 384.   ² Enc. III. 385.   ³ Ср.: Recht. 8. Anm.   ⁴ „durch die Natur der Sache, d. i. den Begriff“: Enc. III. 384; ср.: Würt. 233.   ⁵ Ср.: Enc. III. 397. 416. 430. Recht. 9. Anm. 16. 18. 23. 27. 28. 290.   ⁶ Recht. 26.   ⁷ Recht. 9. Anm. 18. 19. 20. См. главу семнадцатую.   ⁸ Recht. 26. 27.

право не только реально, но имеет существенную *абсолютную реальность*.

То, что Гегель понимает, говоря о естественном праве, следует представлять себе, прежде всего, как внутреннюю,¹ смысловую² сущность³ положительного права; это есть всеобщая логическая основа, как бы категориальный или принципиальный остов всякого права как такового. Отсюда вытекает, что всякое „положительное право“ содержит в себе „естественное право“ как свою родовую сущность и является ее специфическим видовым определением; всеобщее же, родовое присутствует всегда во всех своих особенных и единичных видоизменениях.

Однако это „присутствие“ естественного права в положительном не следует представлять себе по отвлеченной, рассудочной схеме обычной логики. Если местами у Гегеля выступает на первый план такое соотношение, то это является для него самого непоследовательностью и отпадением. Отношение естественного права к положительному следует представлять себе в спекулятивном порядке: естественное право есть всеобщность, творчески осуществляющая себя в единичных, положительных правопорядках и включающая их в себя в качестве своих живых видоизменений. Само собою разумеется, что „единичные“ правопорядки входят в естественное право лишь в меру своей духовной верности.

Итак, естественное право есть всеобщая, живая сущность права, осуществляющая себя в положительных правопорядках. Это есть *реальный Логос права*. Это — Право, которое *есть* всюду, где *является* право. Но то, что *есть*, есть *Разум*.⁴ Поэтому естественное право *разумно*. Осуществляясь в единичных, национальных правопорядках, оно как *сущность* приобщается *существованию* и становится *действительным*. Поэтому естественное право *разумно* и *действительно*. Оно есть Разум в состоянии мирового осуществления или всеобщий смысл права, создающий себе более или менее успешно систему единичных явлений.

Вот почему Гегель говорит, что „естественное право“ есть нечто „действительное и наличное“, а не „потустороннее“;⁵ оно не только *реально* как нечто „абсолютное“,⁶ как „божественное“ в истории⁷ человечества; но оно и *действительно*, как *являющаяся* сущность, как *существующий* единичный правопорядок, как *положительное* право известной эпохи и нации.

Понятно, что „право“ оказывается причастным всем трем видам „бытия“:⁸ *реальности*, т. е. Понятию, Разуму или Логосу;

¹ „das Inwendige“: Recht. 314.   ² „Begriff des Rechts“: Recht. 22; „der Begriff der Sache“: Recht. 28; „der gedachte Begriff“: Recht. 314 и др.   ³ „das wahrhaft Wesentliche“: Recht. 28.   ⁴ Recht. 19.   ⁵ Recht. 16.   ⁶ Recht. 28.   ⁷ Ph. G. 40.   ⁸ См. главу одиннадцатую.

действительности, т. е. единичному, в данном случае социально-историческому, явлению Разума; и наконец, *существованию* как необходимой иррациональной форме исторического бытия. Это означает, что „право“, как и все остальное в мире, имеет двойной состав: спекулятивно-разумный и эмпирически-иррациональный. Сочетание „спекулятивного“ и „эмпирического“ слагает тот уровень *действительности*, в котором живет человек, творящий право.

Поэтому, когда Гегель говорит о естественном праве, он понимает известные *состояния божественного Духа, живущего в виде человеческой воли*; эти состояния *спекулятивно-необходимы* и потому *разумно-обоснованы, действительны* и, следовательно, *осуществлены в мире эмпирического бытия*. Выражая это в обычных терминах, можно сказать, что каждый естественно-правовой институт, рассматриваемый Гегелем, есть *состояние человеческой души*, через которое она, т. е. душа, должна пройти и, действительно, проходит, для того чтобы испытать себя живою частью народного духа; такое состояние, в своей сущности, предносится Гегелем как *спекулятивно воображаемая реальность*, основные черты которой имеются налицо во всех одноименных явлениях социально-исторической „*действительности*“; эти черты могут быть в них налицо или целиком, или отчасти, и каждый раз одноименное явление понимается Гегелем лишь постольку, поскольку оно обладает этими чертами, *лишь постольку*, поскольку оно „разумно“. Это можно выразить и так, что „естественное право“ есть нечто, *подлежащее осуществлению* в каждой душе и в каждом человеческом обществе, и, постольку оно есть нечто „должное“. Однако в том же смысле следует признать „должным“ *каждое* необходимое состояние освобождающегося духа: и сознание, и самосознание, и интеллигенцию, и волю и т. д. Но категория „долженствования“ вообще получает свое настоящее значение лишь в *противопоставлении* реальному процессу, а именно в этом-то противопоставлении мысль Гегеля не движется и не определяет понятий. Поэтому „естественное право“, как и все остальные состояния духа, не только „подлежит“ осуществлению, но и *реально осуществляется*. И мир социально-исторической действительности всегда имеется в виду „Философией права“ лишь в ту меру, в какую он осуществил в себе „надлежащую“ объективную свободу.

В этом состоит *реализм философии права*. Ясно, что этот реализм имеет *оптимистическую окраску, метафизическое значение и психологическое истолкование*.¹

Оптимизм или познавательный аристократизм Гегеля состоит в том, что он рассматривает и имеет в виду не столько

¹ См. главы двенадцатую, тринадцатую, четырнадцатую и пятнадцатую.

правовые „явления“, сколько *правовые „образы“*. Каждый раз, как он говорит „право“, „государство“, „правительство“ и т. д., он имеет в виду не выродившееся право, не разлагающееся государство и не развращенное правительство, но явление, стоящее „на высоте“, т. е. уже не „явление“, а „образ“. Мимоходом он касается и „явлений“, как для того, чтобы установить наличность в них существенной разумности, так и для того, чтобы отметить их несовершенство. Но собственным предметом его остается всегда „образ“. Это означает, что каждый рассматриваемый правовой институт разумеется им как *зрелое осуществление естественно-правовой разумности в виде положительного права и правопорядка*. Право, собственность, договор, семья, партия, государство суть для него не отрешенные, метафизические идеи (наподобие „идей“ Платона), и не сверхвременные схемы; нет, в „конкретных“ науках Гегель ближе к Аристотелю: он не отрывает „идею“ от „явления“ и мыслит „всеобщее“ в его временном мировом осуществлении. „Образ“ есть *осуществившаяся победа идеи, т. е. естественного права*; но такое осуществление предполагает, что эмпирические, временные условия приняли в себя и *целостно* воспроизвели разумную, спекулятивную сущность идеи: образ есть *зрелое осуществление естественного права, принявшего вид живого правопорядка*. Можно условно признать, что естественно-правовой образ есть „идеал“, воображаемый мыслящим воображением; однако с тою оговоркою, что этот идеал и сам по себе метафизически-реален и, далее, воображен в своем эмпирическом осуществлении. Это не значит, что Гегель всегда разумеет определенный единичный правопорядок, исторически осуществленный каким-нибудь народом; известно, что такое конкретно-историческое ориентирование было ему не чуждо, причем мысль его тяготела сначала к греческой общине,¹ а потом к современному ему государству послереволюционного периода;² однако *принципиально* говоря, его естественно-правовые „образы“ сохраняют характер „идеально типический“. Он говорит об идеальном „образе“, который воображает и мыслит, как состоявшийся в *общих, типических* условиях эмпирического существования; и в этом он остается верен основному методу своих „конкретных“ наук. Это и дает ему возможность пользоваться своими „образами“ как *критериями ценности*, определяющими совершенство явлений; видеть в них *мерило метафизической реальности*; и предлагать их в качестве *категорий для эмпирического изучения*

¹ В статье „Über die wissenschaftlichen Behandlungsarten des Naturrechts“ 1802—1803 г. и отчасти в „Феноменологии Духа“. ² Так было в эпоху написания его главного труда по Философии права „Grundlinien der Philosophie des Rechts“ (1820 г.) и позднее.

истории. При этом следует иметь в виду, что эти „образы“ при всех оборотах исследования сохраняют, во-первых, свое самодовлеющее значение „*спекулятивно необходимых ступеней Духа*“ и, во-вторых, свою *творческую действительность в мире*, ибо они остаются незримыми и невесомыми деятелями, бессознательно сообщающимися людским душам и направляющими их к свободе.¹ Естественное право Гегеля в качестве родовой, всеобщей сущности права оказывается *единым для всех времен и народов*, подобно тому, как един мировой Дух и едино Божество. Но в раскрытом, *космически „действительном“* виде своем естественное право *есть органическая система многих различных и своеобразных, „единичных“ правопорядков*, выношенных и осуществленных различными народами.

Таков классический „аристократизм“, присущий Философии права Гегеля. Она посвящена „образу“ Бога в мире: совершенному, идеальному состоянию, осуществившемуся в общих условиях конкретной эмпирии и раскрывшему подлинную природу тех метафизических сил, которые движут историю человека. Гегель и в философии права остается певцом духа-победителя: *Бога, победоносно освобождающего себя в мире.*

Отсюда и возникает то *метафизическое значение*, которое присуще в его учении всем правовым понятиям. Вся обычная сложность правового явления как предмета научного знания выступает у Гегеля не только не расчлененной, но еще насыщенной метафизическим значением. То, что он называет „правом“, невозможно подвести ни под понятие права в объективном смысле (правовая норма), ни под понятие права в субъективном смысле (полномочие, обязанность, запретность); это есть *правое состояние*: вначале — субъективный status, в дальнейшем — правоотношение, в смысле встречи субъективных волений. Право есть для Гегеля особое *состояние человеческого духа*, значение которого определяется всегда тем, что оно есть состояние *божественного Духа*. Благодаря такому трактованию каждый правовой институт получает свое место в восходящем ряду, низшим членом которого является „пустое пространство“, а высшим — „абсолютная философия“. Единым и общим началом для всего ряда остается „Абсолютное в процессе самоосвобождения от инобытия“; от него-то каждый правовой институт получает свое *сверхюридическое* значение и предстает как необходимый status Духа, творящего свою свободу. Именно в этом *абсолютном содержании* права Гегель видит его сущность и поэтому низводит *специфический предмет юриспруденции* до простого „знака“, до эмпирического „символа“ Духа. Право как „знак“ Духа есть бесспорно необходимый и разумный, действительный и неиска-

¹ Ср.: Log. III. 187. См. главы пятую, девятую и одиннадцатую.

жающий *modus essendi*; однако юрист, естественно, лишь с трудом узнаёт свой предмет в этом метафизически-перенасыщенном трактовании. Каждый правовой институт оказывается причастным Богу и „хаосу“; он есть видоизменение „свободы“; он мыслится по законам спекулятивного развития: реальности, всеобщности, диалектики и конкретности, и в то же время он воображается в условиях человеческой эмпирической жизни. Понятно, что Философия права Гегеля стоит постоянно перед двумя опасностями: упростить и депотенцировать „Идею“ и упустить *specificum* юридического предмета.

Последняя опасность обостряется особенно потому, что метафизическое содержание права и государства истолковывается Гегелем *психологически*. Каждый правовой институт рассматривается им как особое состояние *воли*,¹ т. е. основной разумной и творческой силы человеческого духа. Каждый „образ“ его философии права может быть правильно понят только тогда, если будет раскрыта его *волевая природа*. Все ступени „объективного духа“ слагаются в элементе *субъективно-зрелой воли*,² покидающей свою субъективную замкнутость и выходящей в сферу „социальной встречи“.³

Но именно поэтому психологизм Гегеля не следует истолковывать ни „эмпирически“, ни „субъективистически“. Правда, воля есть *энергия* или *сила души* в ее углубленном и нерасчлененном (т. е. преодолевшем свое расчленение) виде. Но если вывести отсюда, что *право*, в понимании Гегеля, оказывается *силой*, то эта сила есть *метафизическая сила духа*. Точно так же с виду воля есть состояние единичной человеческой души; однако по существу она есть *всеобщая воля*, сохраняющая свою *всеобщую* природу и в единичной, субъективной воле человека. И если право, в понимании Гегеля, оказывается *волей*, то это есть *всеобщая воля народного духа*. Психологизм его философии права есть своеобразный *метафизический* психологизм и притом психологизм не метода (метод остается интуитивно-диалектически-спекулятивным), а предмета.

Таковы основные черты его „естественного права“. Ясно уже, что он пользуется термином „права“ в более широком смысле, чем это делают юристы; в своих определениях он сознательно выходит далеко за пределы „ограниченного юридического права“,⁴ характеризуя его как „формальное“. Таким образом, то, что обычно называется „правом“, является лишь первой и низшей ступенью в системе „естественно-правовых“ определений. Система объективного духа объемлет три ступени: во-

¹ Ср., напр.: *Recht*. 68. 69. 76. 83. 85. 103. 105. 113. 125. 131. 145 и др. ² См. главу пятнадцатую. ³ Ср. о социальной природе права: *Енс.* III. 385. *Recht*. 113. ⁴ *Енс.* III. 377. *Recht*. 70 (Z.).

первых, так называемое *абстрактное право*, во-вторых, сферу *морали* и, в-третьих, всю сферу *нравственности*, которая, в свою очередь, включает в себя строй *семьи, гражданского общества и государства*. В таком обширном значении „право“ оказывается как бы общим, родовым понятием для „абстрактного права“, „морали“ и „нравственности“, и, естественно, встает вопрос, в чем же Гегель видит основную сущность „права вообще“, явно совпадающего с *естественным правом*.

„Наука о праве есть часть философии“.¹ Поэтому она имеет „определенный *исходный пункт*, который есть *результат* и истина того, что *предшествует* и что составляет так называемое *доказательство*“ исходного пункта.² Это означает, что первое и основное „понятие права лежит, по своему *развитию* (Werden), вне науки о праве“, что „*дедукция* его предполагается“ готовой и „должна быть принята, как *данная*“.³ Философия права начинается тем, чем кончила философия „*субъективного духа*“, так что *последнее* звено предшествующего развития совпадает с *первым* звеном нового ряда.

Согласно этому, право есть не что иное, как *существование* (собств. наличное бытие) *свободной воли*.⁴ Всюду, где живет свободная воля, хотя бы в своем первоначальном, субъективном виде, есть право; и, точно так же, наличное бытие (Dasein) может быть *правом* только „на основании свободной субстанциальной воли“.⁵

Это означает, что право есть не „норма“, но как бы „*нормальное бытие человеческого духа*“; право есть *правое существование воли*, *правильный способ ее жизни*, или *правильное состояние человеческой души*. Право не есть „полномочие“, но правому состоянию воли присущи *обоснованные правые притязания*. Гегель называет *правом* все, что скрывает в себе „*зрелое*“ состояние человеческого духа.

Отсюда ясно, что в „праве“ Гегель видит, прежде всего, известную утверждаемую „ценность“, или, если угодно, некое *объективно значащее достоинство*. Но эту ценность он берет не в аспекте долженствования, а в аспекте бытия, и притом именно как *живое творческое начало*. Право есть для него не „ценное“, а „ценность“, т. е. *живая, объективно-достойная реальность: воля человека или воля людей*. При этом ее объективное достоинство основывается не на соответствии ее с содержанием внешне установленной нормы, и не на предусмотренном или допущенном акте субъективного изволения, как

¹ Recht. 23. Курсив Гегеля.   ² Ibidem. Курсив Гегеля.   ³ Recht. 23. Курсив Гегеля.   ⁴ „Dasein des freien Willens“: Enc. III. 377. 377. Recht. 63.   ⁵ „Dasein ist ein Recht. nur auf den Grund des freien substantiellen Willens“: Enc. III. 377.

обычно считается в юриспруденции; но исключительно на *духовных свойствах*, которые она *приобретает сама в своем внутреннем самоопределении*.

Для того чтобы состояние человеческого духа стало „правым состоянием“ или „правом“, необходимо, чтобы дух определил себя как „свободную волю“ и действительно созрел до свободного состояния. Это значит, что человеческая душа должна определить себя как *единую и цельную разумную страсть, ищущую полного удовлетворения своей разумной и благой природе, т. е. стремящуюся создать полную свободу от инобытия и неразумия*.¹ Такое состояние души, именуемое „свободную волю“, *есть всегда правое состояние, или „право“*; а притязания „свободной воли“ *суть правые притязания, или ее „права“*.² Но так как свободная воля в своем самоопределении и раскрытии проводит себя через целый ряд все более свободных состояний, для которых исходный пункт „субъективно зрелой воли“ составляет лишь *existenz minimum*, то „право“ является как бы *общей родовой сущностью всех естественно-правовых состояний*, ибо каждая ступень „объективного духа“ *есть видоизменение свободной воли, есть модификация ее сущности*.

Отсюда ясно, на каком духовно высоком уровне разворачивается философия права Гегеля. Если учесть целиком его указания на природу „субъективно свободной воли“, то „право“ окажется порождением действительной душевно-духовной — интеллектуальной и волевой — зрелости. Право вообще слагается на почве *духовного*, и *свобода* составляет его субстанцию.³ Весь ряд естественно-правовых определений создается *разумною волею*, т. е. „самосознанием, которое посредством мысли постигло себя как сущность и тем самым очистило себя от случайного и неистинного“.⁴ Это есть „свобода“, которая осознала свою природу⁵ и осуществляет себя объективно; это есть существование „абсолютного понятия“,⁶ действительность „истинно-бесконечного“⁷ — предстоящая Идея.⁸ Такая воля есть субъективно созревшая „истина“,⁹ самоопределяющийся разум, или добро, как сокровенная сущность воли.¹⁰ Такая воля и есть „право“.¹¹

Это не значит, что все люди, живущие в правовых общинах, сознают свою высокую природу или умеют последовательно осуществлять ее. Однако, с одной стороны, осуществленный „образ права“ требует именно такой зрелости духа. С другой стороны, *всякий человек в глубине души своей, внутренне и сокровенно,*

¹ См. главу пятнадцатую.   ² Ср., напр.: Recht. 68. 69.   ³ „Der Boden des Recht ist überhaupt das Geistige“: Recht. 36.   ⁴ Recht. 57.
⁵ Recht. 64.   ⁶ „das Dasein des absoluten Begriffes“: Recht. 64.   ⁷ Recht. 58.
⁸ Recht. 58. 132. 149.   ⁹ Recht. 58—59.   ¹⁰ Ср.: Recht. 171; 73 (Z.); 172.
¹¹ Recht. 63.

всегда разумен и свободен, даже тогда, когда он в своих поступках заблуждается и падает. Вместе с Шафтсбери, Лейбницем и Руссо Гегель отправляется от того, что корень человеческого духа искони направлен на благо; человек, по самой природе своей, ищет разумом блага и определяется им. В глазах Гегеля это гарантировано основным метафизическим откровением, согласно которому *реально только Божество* и мир творится изнутри *Его* разумною силою, — освобождающем себя Понятием. Поэтому и воля человека в истоке своем есть *разумная и свободная сила*; это не может быть иначе потому, что *сущность* ее не единична, но всеобща: субъективная душа человека есть явление всеобщей Воли, всеобщей, субстанциальной, духовной энергии — мирового¹ и национального Духа. Может ли единичная модификация Божества не хотеть блага в глубине своего существа? Ответ ясен. Человеческая душа может не знать о себе истины; она может, заблуждаясь, принимать конечное и ограниченное благо за абсолютное добро; она может увязнуть в вихрях и обманах конкретного эмпирического; но она не может извратить свою *сущность*, *корень* своего бытия.² Тем более, если она уже достигла „субъективной“ зрелости в мышлении и воле.

Поэтому, что бы ни пришлось человеку совершить и пережить на его дальнейших путях к абсолютному духу, — в глубине его воли остается жить *разумное воление свободы*, которое Гегель называет „правом по себе“ (*Recht an sich*). Это состояние есть *existenz-minimum* объективного духа; вне его неосуществима ни одна ступень его. И там, где люди говорят о праве, о нравственности и о государстве при отсутствии этого уровня, — там остается только иллюзия или извращение, деградация и несчастье, „*нравственная испорченность и варварство*“.³

Это можно выразить так, что *право дается сознанию* человека *внутренне*, как его *собственное разумно-волевое состояние*; „свободная воля“ человека есть *живое бытие права* и в то же время масштаб и критерий единичных правоизменений.⁴ В ряду субъективного духа свободная воля еще не раскрыта и не осуществлена: однако „сама по себе“ она уже есть всеобщая воля. И вот эта-то свободная, разумная и всеобщая сущность воли и есть „*право само по себе*“.⁵

Вот почему Гегель говорит, что право дано человеку *внутренне*; оно дано ему не как идеал, но как *реальное, реализующее себя и имеющее вполне реализоваться, состояние*. Оно остается

¹ Ср., напр., о „Weltgeist“: *Recht*. 65.   ² Ср. о добре как субстанции воли: *Recht*. 172.   ³ *Enc.* III. 431; ср.: *W. Beh.* 383 и др.   ⁴ Ср.: *Recht*. 8. *Апм.*   ⁵ Ср.: *Recht*. 125.

чем-то надлежащим или „должным“,¹ поскольку процесс реализации еще не закончен и поскольку „право само по себе“ еще противостоит „существующему“ праву; однако именно постольку оно превращается в нереальный постулат,² а образ права вырождается в „явление“. „Право само по себе“ не есть ни идеал, ни субъективная выдумка,³ но нечто „существенное“⁴ и „субстанциальное“ для всей человеческой жизни⁵ и потому „неизменное“,⁶ неисказимое и „ненарушимое“.⁷ Оно может быть „ограниченным“ и „безграничным“,⁸ более „абстрактным“ и более „конкретным“,⁹ менее развитым и более развитым; но все это в пределах одного единого „простого“ и „всеобщего“¹⁰ состояния: свободной воли человека. То, что справедливо,¹¹ что разумно и ведет к свободе, что созидает действительное благо народа,¹² составляет предмет этой воли. Гегель выражает это так: „*нравственное* составляет субъективное настроение права самого по себе“,¹³ а объективный дух (т. е. свободный дух народа) составляет его содержание.¹⁴ Именно постольку право есть нечто „священное“.¹⁵

Таким образом, „право само по себе“ есть *священная сущность всякого права*, пребывающая, однако, в нераскрытом, „непосредственном“ состоянии. Этой сущности и предстоит совершить путь к явлению, осознанию и осуществлению. Право должно стать „сущим по себе и для себя“; это означает, что ему надлежит раскрыть в себе „нравственное“, составляющее его основу¹⁶ и его непосредственное „настроение“, и превратиться в сознательную и организованную нравственность народа.¹⁷ Но так как право есть наличное бытие свободной воли, то весь путь объективного духа может быть описан так: *воля раскрывает свою разумную и добрую природу и познает ее сверхиндивидуальную всеобщность*. Философия права Гегеля излагает „оправдание воли“ в ее основных страстях и влечениях;¹⁸ эти влечения осуществляют себя в живых и необходимых¹⁹ отношениях²⁰ человека и слагаются в стройную систему²¹ его „объективной“ жизни.

В своем непосредственном, нераскрытом состоянии свободная воля человека живет добрыми „нравами“ (Sitten) и „обычаями“

¹ Ср.: „was sein soll“: Recht. 8—9. Anm.; „ein gefordertes“: Recht. 130.
² Ср.: Recht. 130. ³ Recht. 14. ⁴ Recht. 130. ⁵ Ср.: Enc. III. 101.
 Recht. 293. 323. Ph. G. 40. 58. ⁶ „unverändert“: Recht. 8—9. Anm.; ср.: Enc. I. 36. ⁷ „Unverletzbar“: Recht. 137; „unaufhebbar“: Recht. 136; ср.: Recht. 134. ⁸ Ср., напр.; Recht. 64. 65. ⁹ Ср., напр.: Enc. III. 211.
 Recht. 64. 169. 169 (Z.). 365—366. ¹⁰ Recht. 127. ¹¹ „gerecht“: Recht. 139. ¹² Ср.: Würt. 288. ¹³ „das Sittliche ist subjektive Gesinnung, aber des an sich seienden Rechtes“; Recht. 208. Курсив Гегеля. ¹⁴ Recht. 96. ¹⁵ Recht. 64. ¹⁶ Recht. 209 (Z.). ¹⁷ Ср.: W. Beh. 378. Phän. 326. Enc. III. 430. Recht. 208. ¹⁸ Ср.: Recht. 55. ¹⁹ Ср.: Recht. 65.
²⁰ Recht. 394. ²¹ Recht. 55.

(Gewohnheit); *они-то и составляют самую глубокую и подлинную стихию права.* Все основные определения права, а также и религии суть собственные имманентные состояния человеческого духа, или, если угодно, человеческого „сердца“ и „чувства“.¹ Эти определения живут в субъективной воле как свойственные ей, *обычные для нее состояния*, как ее „способ чувствовать“ (Sinnesart), как ее „настроение“.² Естественно, что ее настроение, по содержанию своему, определяется *стремлением к свободе*;³ и это дает возможность сказать, что „*право само по себе*“ *есть воля к свободе, живущая в виде добрых и справедливых „истинных“ нравов.*⁴

С этой точки зрения, в основе всей народной жизни и всего права лежат *живые*⁵ *нравы и обычаи* как первые бессознательные и непосредственные обнаружения объективной свободы. Если же обратиться к ним познавательно, помыслить их и придать им форму осознанной всеобщности, в совершенстве выразить их реальность и объявить во всеобщее сведение, то „*право само по себе*“ получит вид *закона.*⁶ Это значит осознать „*право само по себе*“, утвердить (Setzen) его, придать ему вид наличного бытия (Dasein) и значение „*для себя сущего права*“.⁷

Так, закон есть по содержанию своему *помысленный обычай народа.* Он закрепляет его реальный *modus vivendi*, „*выговаривая, что каждый единичный человек есть и что он делает*“.⁸ Законы — это *нравы в форме всеобщности,*⁹ и народ, который *не умеет сообщать своим нравам эту форму или боится мыслить их,* — находится в состоянии варварства.¹⁰ Каждый закон был раньше живым нравом¹¹ и при нормальных условиях остается и после записи народным обычаем.¹² Это означает, что законы возникают из „*живой индивидуальности народа*“¹³ и, раз возникнув, поддерживают и составляют ее, так что каждый народ есть некое „*целое нравов и законов*“.¹⁴

Такое соотношение закона и обычая ведет к тому, что *закон оказывается осуществлением истинной свободы.* В самом деле, ведь он несет гражданину его собственный добрый обычай, выраженный только во всеобщей форме; ведь он формулирует содержание „*по себе сущей воли*“;¹⁵ он утверждает „*право само по себе*“;¹⁶ он формулирует „*субстанцию свободной воли*“.¹⁷ Истинный закон адекватно высказывает глубочайшее самоопределение свободной воли. Поэтому каждый индивидуум находит в нем волю своего сердца, а каждое сердце находит в нем самого

¹ Enc. III. 362.
400.

⁵ W. Beh. 400.
274. 275. 282 (Z.). 285. 309.

¹⁰ W. Beh. 400.
¹³ W. Beh. 417.

¹⁶ Cp.: Recht. 271.

² Enc. III. 327.

⁶ Cp.: W. Beh. 400. Recht. 272.

⁸ Phän. 266. Курсив Гегеля.

¹¹ W. Beh. 419.
¹⁴ W. Beh. 415.

¹⁷ Enc. III. 405.

³ Cp. Enc. III. 231.

⁷ Cp.: Recht.

⁹ W. Beh.

¹² Recht. 272.

¹⁵ Cp.: Enc. III. 278 (Z.). Recht. 137.

⁴ W. Beh.

⁷ Cp.: Recht.

⁹ W. Beh.

¹² Recht. 272.

себя.¹ Гражданин видит в законе формулу своей истинной предметной сущности,² ибо законы, действительно, силою мысли, силою Понятия, раскрывают и сообщают ему то, что он дотоле лишь смутно ощущал в глубине своего существа, именно: что его субъективно-всеобщая воля имеет подлинную объективную всеобщность, что она есть „духовная всеобщность и субстанция“³ всего народа. Граждане фактически живут этою волею, как своею сущностью, и, даже тогда, когда они недовольны и осуждают законы своей страны, они все-таки, бессознательно, прилежат к ним сердцем.⁴

Но именно поэтому повиновение истинным законам не может стеснить их свободу. „Каждый истинный закон есть свобода“, т. е. „разумное определение“⁵ духа; он есть высказанная сущность свободной воли,⁶ и она узнает в нем себя. Воля, зная закон, знает себя; и, если только она его действительно знает,⁷ то она, повинувшись ему, повинуется только себе и остается свободною.⁸ При таком положении вещей повиновение законам не только не „порабощает совесть“ человека,⁹ но не ставит его даже в положение зависимости.¹⁰ Истинные законы причастны „абсолютной истине“ и вытекают из нее; сознание же абсолютной истины есть религия.¹¹ Поэтому истинные законы суть нечто священное,¹² и повиновение им только и может быть свободным откликом души на зов ее собственной, божественной глубины. Повинувшись истинным законам, воля обнаруживает „высшую энергию нравственной свободы“,¹³ она утверждает свое истинное самоопределение,¹⁴ она свидетельствует о том, что она есть „истинная воля“.¹⁵ Ее свобода совпадает с ее необходимостью,¹⁶ „законы“ оказываются ее законами и не остаются пустым должествованием.¹⁷ В мире осуществляется „величие и божественность“ истинного правового состояния.¹⁸

Таким образом, Гегель видит в законах и нравах живые субстанциальные состояния и силы народного духа: это особые „сообщающиеся“ деятели и двигатели жизни, которые „проникают“ в людей „бессознательным образом“ и осуществляют в них свою мощь и свое значение.¹⁹ Это — творческие „категории“ народной жизни; разумность их обеспечивает им победу в мире.

Но, если истинные законы являются лишь всеобщим выражением „разумных“ нравов, то самое формулирование или уста-

¹ Phän. 279. ² „gegenständliche Dingheit“: Phän. 266. ³ Phän. 283.
⁴ Phän. 283. ⁵ Enc. III. 407. ⁶ Cp. Enc. III. 404. 429. Recht. 312. Ph. G. 46. ⁷ Cp.: Recht. 271. 278. 279 (Z.). Enc. III. 397. Особ. 398. 400. ⁸ Ph. G. 46. ⁹ Enc. III. 433. ¹⁰ Glaub. 107—108. ¹¹ Enc. III. 429. 434; cp.: W. Beh. 400. ¹² Glaub. 107. ¹³ Glaub. 107—108. ¹⁴ Cp.: Enc. III. 432—433. ¹⁵ Cp.: Ph. G. 46. ¹⁶ Ph. G. 46. ¹⁷ Phän. 318. ¹⁸ W. Beh. 438. ¹⁹ „sich in ihnen geltend machen“: Log. III. 187.

новление их (Setzen) означает переход „права самого по себе“ в сферу явления,¹ выход его к объективной действительности,² превращение его в положительное право.³ Объективная действительность права состоит, во-первых, в том, что право является осознанным, познанным и провозглашенным; во-вторых, в том, что оно получает *силу* действительности, „всеобщее значение“, ⁴ соблюдение и применение. Положительное право есть право, установленное в каком-нибудь государстве и подлежащее применению;⁵ то, что в нем признано „закономерным“, то и является источником знания о „правом“ и „праве“. ⁶ Но здесь-то и начинаются опасности и осложнения, ведущие нередко к деградации.

Прежде всего, установленный закон может *неверно* ⁷ формулировать „право само по себе“. Тогда обнаруживается расхождение между „законом“ и „правом“ в его вечной и разумной сущности.⁸ Положительное право может быть порождением „своеволия“;⁹ оно может укрывать в себе начала „насилия и тирании“;¹⁰ оно может состоять просто из дурных законов, ведущих не к единству и конкретности народной жизни, но к разрывам и разложению.¹¹ Тогда возникает недостойное зрелище права, противоречащего своей сущности, — *неправого права*. Философия не может познавательного считать с ним и не должна включать признак качественного несовершенства в понятие „положительного права“:¹² она предоставит такое право изучению истории и эмпирической юриспруденции.¹³

Однако установленный закон, даже если он верно формулирован, даже если он точно выражает содержание „объективно-всеобщей“ воли, может встретиться с великим затруднением. Дело в том, что закон в качестве общего правила вступает в сферу конкретной эмпирии с ее „конечным материалом“ ¹⁴ и дурной бесконечностью,¹⁵ с ее случайным многообразием ¹⁶ и не поддающимся никакому предвидению деталями.¹⁷ И вот, среди людей возникает нездоровый ¹⁸ предрассудок, согласно которому положительное право должно иметь характер „совершенного законодательства“, ¹⁹ т. е. исчерпывающего все детали и предусматривающего все возможные случаи кодекса предписаний. Начинается безнадежная погоня за ускользающим и все размножающимся эмпирическим материалом; рассудок

¹ См. о явлении права, напр., Enc. I. 35—36. ² W. Beh. 400. Recht. 271.
³ Recht. 271. ⁴ Recht. 271. ⁵ Cp.: Recht. 26. 277. ⁶ Recht. 275.
⁷ Enc. III. 397. ⁸ Cp.: Recht. 275. ⁹ „Eigenwillen“: Recht. 275.
¹⁰ Recht. 26. ¹¹ Cp. W. Beh. 419. 420. ¹² Recht. 26. ¹³ Recht. 275.
¹⁴ Cp.: Enc. III. 397. 399. W. Beh. 387. Recht. 280. ¹⁵ Recht. 275. 276. 279.
¹⁶ Cp.: Recht. 86. W. Beh. 375. 377. ¹⁷ Cp., напр.:
¹⁸ „Krankheit“: Recht. 280. ¹⁹ „vollkommen“: W. Beh. 377.
¹⁹ Enc. III. 398. Recht. 280; „vollständig“: Recht. 280 (Z.); cp.: Lass. II. 500.

изнемогает в поисках новых „принципов“ и „разумных“ масштабов, а законодательство, не совершенствуясь в содержании, чудовищно разрастается.¹ Тогда оно становится недоступным для знания и усвоения; граждане перестают *знать* свое право, и „закон“ перестает быть их *собственным* законом: *гибнет свобода повиновения*. Создавать такие законы все равно что написать кодекс на чужом языке, или, подобно Тирану Дионисию, повесить законы так высоко, чтобы ни один гражданин не мог их прочесть; результат один и тот же: утрата свободы, „абсолютная тирания“² и бесправие (Unrecht).³ Граждане оказываются в своего рода крепостной зависимости (Leibeigenschaft).⁴

Искание такого всеисчерпывающего кодекса нелепо и пагубно. Закон *не может* получить *всестороннего* разумного „определения“⁵ и неизбежно остается на уровне абстрактности и всеобщности. И все же он стремится педантически предусмотреть и регламентировать каждое проявление жизни и создает нестерпимое „господство рассудка“.⁶ Возникает *полицейское государство*, в котором все подчинено закону и „надзору“,⁷ в котором закон *противостоит* живому субъективному духу, как чуждая, внешняя, все уравнивающая⁸ сила, гнетущая⁹ и преследующая человека. Право оказывается в корне извращенным, ибо закон вырождается в пустую мысль, лишенную „абсолютной сущности“.¹⁰

Проблема слагается как бы антиномически: с одной стороны, законы должны представлять из себя нечто доступное и понятное, некую зрелую цельность,¹¹ иначе погибнет свобода; но, с другой стороны, непрерывно возникает потребность в новых законах и законодательных определениях. Разрешение этой проблемы Гегель видит в том, что законы должны содержать только „всеобщие основоположения“, прочные и устойчивые,¹² адекватно формулирующие „право само по себе“ в его священном содержании; эти основоположения подлежат дальнейшей „специализации“¹³ в пределах действительной необходимости; но центр тяжести должен быть переложен с „отвлеченного правила“ на *живую действительность закона в душе человека*, т. е. на *правосознание*.

Первоначально Гегель мечтал о том, что в „прекрасной общине“¹⁴ добрые и разумные нравы могут сделать закон ненужным.¹⁵ Однако он скоро признал, что практически важно и духовно необходимо *мыслить* сущность всеобщей воли и ее разумного обычая.¹⁶ И тогда он перенес центр тяжести в *зрелое*

¹ W. Beh. 377—378.

293. ⁵ Enc. III. 398.

и др. ⁸ W. Beh. 375.

¹² Recht. 279.

¹³ Ibidem.

416. Phän. 330.

² Glaub. 149.

⁶ Diff. 239.

⁹ Glaub. 149.

¹⁴ „wahre Unendlichkeit einer schönen Gemeinschaft“: Diff. 239

¹⁵ „entbehrlich“: Diff. 239.

³ Cp.: Recht. 278.

⁷ Cp. критику государственного

строения, начертанного у Фихте в трактате 1797 года: Lass. II. 486. Diff. 239—240

¹⁰ Phän. 268.

¹⁶ Cp.: W. Beh. 400.

⁴ Recht.

¹¹ Recht. 279.

законосознание человека, живущего в праве и применяющего право.

Важно не то, чтобы люди непрерывно справлялись с отвлеченными правилами и превращали свою жизнь в механическое подведение своих деяний под букву законов. Важно, чтобы в душах людей было *живо и действенно* „право само по себе“ и чтобы законы точно и верно передавали содержание „всеобщей воли“: тогда положительное право будет совпадать с естественным правом и „свободная воля“ сохранит свою свободу. Люди должны не „бояться“ права и не рабствовать ему; но *жить правом и в праве*, зная его разумную сущность и свою собственную разумную природу. Закон должен быть для человека тем „объектом“, который только по-видимому „приходит извне“, а на самом деле раскрывает внутреннюю сущность души — разумную и свободную волю. Встреча субъективной воли с законом должна иметь не порабощающее, а *освобождающее* значение, ибо разум всегда освобождается через осознание своего *тождества* с „объективным“. А для этого осознания человеку необходимо не только знать закон, но иметь также свободный доступ к *своей внутренней природе*, которая у всех людей одинакова. „Право само по себе“ дано каждому человеку в виде его *разумной и свободной воли*, и судья может обрести его в себе так же, как и предстоящий суду *гражданин*.

Вот почему Гегель придает такое большое значение *правовой интуиции* в процессе применения права.

В самом деле, судья не должен применять закон, следуя его букве, ибо на этом пути педантического приспособления „истинная справедливость“¹ не может быть найдена. Между „общим правилом“, данным в законе, и единичным случаем всегда остается „несоизмеримость“ (Incommensurabilität), требующая, чтобы закон был „модифицирован“ и, следовательно, отчасти „снят и не уважен в своей абсолютности“.² Эта модификация должна, однако, совершаться в духе истинного права, согласно указаниям всеобщей воли, или, как Гегель выражается, — она должна быть определена „созерцанием целого“.³ Но такое определение судья может найти *только внутри себя*:⁴ в нем должно сложиться „субъективное убеждение“,⁵ „уверенность“,⁶ основанная на показании „совести“,⁷ — своего рода „animi sententia“.⁸ Здесь возможно, конечно, что субъективная уверенность судьи будет именно *только его субъективной уве-*

¹ W. Beh. 377.   ² „nicht. respektirt werde“: W. Beh. 378; ср.: Lass. II. 500.   ³ W. Beh. 376. 378; ср.: Lass. II. 500.   ⁴ „das Innere des Richters“: W. Beh. 378.   ⁵ „subjektive Ueberzeugung“: Recht. 290. 291 (Z.).   ⁶ „Gewissheit“: Recht. 291 (Z.).   ⁷ „Gewissen“: Recht 290.   ⁸ Ibidem.

ренностью, не более. Но правильная организация суда присяжных дает известную гарантию от таких решений.

Значение этого суда Гегель видит в том, что он более всего способен примирить *правовую интуицию судьи с правовой интуицией подсудимого*; а это безусловно необходимо для того, чтобы гражданин сохранил действительно свою свободу. Чтобы быть свободным, мало *знать* закон, мало *лично присутствовать* на суде (*in judicio stare*),¹ мало одной *публичности* процесса;² необходимо, чтобы судящийся *участвовал „духовно“ в самом решении*, чтобы он присутствовал в нем своим „знанием“³ и, если возможно, то и „сознанием“ (т. е. признанием своей неправоты или вины).⁴ Суд присяжных (*Geschworenengericht*) имеет здесь преимущество перед всякой иной организацией суда; и он сохранил бы ее даже в том случае, если бы за „чисто юридическими судами“⁵ было обеспечено превосходство во всех остальных отношениях.⁶ Ибо только суд присяжных удовлетворяет требованиям „свободного“ суда.

В самом деле, свобода требует, чтобы подсудимый *питал доверие* к судящему, к его беспартийности, беспристрастию и пронизательности;⁷ чтобы судья произносил свой приговор как бы „из души самого преступника“,⁸ отыскивая и обретая „*тождество*“ с его правосознанием; и чтобы *личное признание* подсудимого всегда сохраняло последнее и абсолютное значение,⁹ ибо нельзя отнять у человека „абсолютного права“¹⁰ на самоопределение, идущее из глубины. Сознанием подсудимого присяжные должны быть ограничены потому, что преступник остается *человеком*, т. е. разумною и свободною волею; что он, несмотря на преступление, по-прежнему остается в тождестве с общею волею, и по-прежнему имеет право *сохранить свободу в подчинении закону*. Приговор суда не должен быть для преступника „*внешнею судьбою*“,¹¹ и сознание его (*Eingeständniss*) должно рассматриваться как голос его не умирающей правой воли, как зазвучавший в нем голос „*права самого по себе*“,¹² как проявление его *самоопределения* и *свободного правосознания*.

Таким образом, действительность правового „образа“ предполагает, что право остается во всех отношениях *самоопределением разумной воли человека*: истинное осуществление права есть осуществление *свободы*. Однако воле далеко не сразу открывается ее правовая свобода; ей предстоит еще выстрадать это знание в процессе борьбы с инобытием. Воля, достигшая духовно-правого состояния во внутренней жизни, стала *правом* субъ-

¹ Recht. 293.   ² Recht. 288. 292.   ³ Recht. 293.   ⁴ Enc. III. 400. 401.
⁵ „rein juristische Gerichte“: Recht. 292.   ⁶ Recht. 292—293. Enc. III. 400. 401.
⁷ Cp.: Recht. 292. 292 (Z.).   ⁸ Recht. 292 (Z.).   ⁹ Enc. III. 401.
¹⁰ Ibidem.   ¹¹ Recht. 293.   ¹² Cp.: Recht. 136. 137. 139.

ективно. Ей предстоит утвердить свою свободу и свое право в реальной встрече с внешним и чуждым существованием.

„Объективное“ развитие человеческой души начинается с того, что она *обращается* от своих собственных состояний, уже подчиненных и усвоенных ею, к *внешней среде*, к существующим объективно вещам и людям. Доселе (в пределах субъективного духа) она имела с ними дело *лишь постольку*, поскольку они вызывали в ней те или иные *состояния*, и, строго говоря, она имела дело только со своими состояниями, с собственными душевными и душевно-телесными переживаниями; теперь ей надлежит иметь дело с самими *объективно сущими предметами*. Если смотреть со стороны, то все остается по-старому; однако *предметная обращенность души* меняется радикально, и самоопределение ее слагается в совершенно новых актах и терминах.

Вновь душа имеет перед собою „инобытие“ и процесс ее самоосвобождения должен возобновиться. Понятно, что в сокровенной сущности дела „инобытие“ не есть субстанциально „иное“, но только иррациональный способ жизни, принятый на себя Разумом; встреча воли с вещами и другими людьми есть встреча нескольких „модусов“ единой великой „субстанции“; и встреча эта должна повести к раскрытию ошибки: принадлежа к единому лону, стороны разобшились и утратили друг друга и, встретившись вновь, узнают себя *не сразу*. Великая мировая „комедия ошибок“ близится постепенно ко все разоблачающему концу: Разум примет *все* в свое первоначальное лоно. Однако путь этих ошибок остается по-прежнему страдальческим.

Дело в том, что новая встреча с инобытием раскалывает волю, создавая в ней две стороны: *субстанциальную, всеобщую и эмпирическую, особенную*. Воля в своем субстанциальном состоянии обращена в себя; она соблюдает свою внутреннюю свободу и „бесконечность“ самоопределения: она остается свободною, *правою* волею или *правом*. Воля же в своем эмпирическом состоянии обращена к новому объекту; она ограничена и определена им и является конечною, особенною волею: она оказывается волею в *несвободном, неправом* состоянии и судьба ее в том, чтобы *выстрадать эту неправоту до конца*. Вся *существенность* воли сосредоточивается в первом аспекте, а вся *содержательность*, идущая от „инобытия“, — во втором.

В таком состоянии человек есть „лицо“ или „личность“ (Person, Persönlichkeit). Лицо есть свободная, бесконечная и в то же время ограниченная и конечная человеческая монада. С одной стороны, личность есть самоопределяющаяся духовная единичность, сознающая себя „бесконечным, всеобщим и свободным“ началом.¹ Личность начинается там, где самосознание

¹ Cp.: Recht. 73. 74. 75; cp.: Lass. II. 444—445.

овладело всеми своими внутренними определениями и где воля утвердила себя как чистое мышление своей тождественности.¹ Такая воля доросла до правого состояния, т. е. до права: личность способна жить в праве, или „правоспособна“.²

Но именно „правоспособное лицо“ оказывается абстрактным состоянием воли. В самом деле, ноуменальная глубина воли „абстрактна“ потому, что недостаточно содержательна: „внутреннее“ содержание уже ассимилировано ею и не отличимо от нее самой, а нового „внешнего“ содержания она еще не приобрела; она абстрактна еще и потому, что ее феноменальная, „особенная“ сторона отвлечена от нее и обращена к пришлому инобытию. С другой стороны, феноменальная поверхность воли „абстрактна“ потому, что отвлечена и от собственных ноуменальных, свободных корней и от внешнего объекта, с которым ей предстоит вступить в творческий процесс.³

Вот почему „правоспособное лицо“ абстрактно. Оно представляет из себя нечто высшее⁴ и абсолютное, но находящееся в несовершенном и недостаточном состоянии.⁵ Это есть духовная монада, живущая в виде „исключающей единичности“ и имеющая перед собой „преднаходимый“ внешний мир.⁶ Такая монада „непосредственна“,⁷ ибо она еще не взошла к свободе через посредство нового объекта; она неопределенна,⁸ ибо не „определила“ себя еще всем богатством нового пришлеца. Такая монада являет собою „правое“, но только „абстрактное“ состояние воли. Поэтому Гегель называет такую волю „абстрактным правом“.⁹

Под „абстрактным правом“, составляющим первый этап объективного духа, следует разуместь отнюдь не совокупность „отвлеченных норм“ или „правовых полномочий“. Нет, это есть классическое состояние человеческой воли, субъективно-свободной, но ограниченной внешним инобытием, вызывающим в ней феноменальное, несвободное, „особенное“ воленавправление. Абстрактное право есть живой *status* человеческого духа. Человек в этом состоянии именуется „правоспособным лицом“.

Понятно, что лицо как „внутренне-духовно-правое“ начало есть *existenz-minimum* объективного духа и основа всей первой ступени его — „абстрактного права“. Все дальнейшее развитие ведет свое начало от „личности“, творится ею и в ней. Человек, если он не „личность“, не способен быть „правом“, не может углубиться до морального состояния и возвыситься до нравственности; ему нет, следовательно, и пути к прекрасному искус-

¹ Recht. 73—74.   ² Recht. 74—75.   ³ Ср. об абстрактности „лица“: Recht. 72. 72 (Z.). 73. 73 (Z.). 74. 74 (Z.). 125. 133. 146. Enc. III. 379.   ⁴ Recht. 74 (Z.).   ⁵ Recht. 74 (Z.). 146.   ⁶ „ausschliessende Einzelheit“, „vorgefundene Welt“: Recht. 72.   ⁷ Recht. 73.   ⁸ Ср.: Recht. 72. 72 (Z.).   ⁹ Ср.: Recht. 75.

ству, истинной религии и абсолютной философии. Поэтому голос всеобщей, субстанциальной воли человека, т. е. „право само по себе“ зовет человека к тому, чтобы он стал „личностью“. „Правовое повеление“ гласит: „будь лицом и уважай других, как лиц“.¹ Это необходимо потому, что вне этого нет путей к духу. Это включено уже в субъективно-зрелый *modus vivendi* потому, что самосознание, испытав всю горечь „естественной покорности“, научилось уже создавать свою внутреннюю свободу через признание чужого самосознания:² лицу, не признающему „личность“ в другом, пришлось бы опять вынести борьбу на жизнь и на смерть и пройти через школу рабства. Вот откуда вытекает и основное запрещение естественного права поражать³ личность, ее жизнь, ее деятельность и сферу ее свободы. Это запрещение Гегель считает лежащим прямо в основании всех правовых велений.⁴

„Свобода“ лица требует, чтобы оно вышло за пределы „абстрактной личности“ и превратило ее в конкретную, содержательную⁵ и свободную от инобытия субъективность.⁶ Для этого личность должна принять встречу с внешним объектом, вступить с ним в спекулятивный симбиоз и усвоить его содержание.⁷ *Опустевшая всеобщность ноуменальной воли должна срастись с новыми особенными содержаниями,⁸ проработать их и вернуться к себе с бременем новой свободы.* Тогда внутренняя правота воли (всеобщая воля „право само по себе“) найдет себе „адекватное явление во внешнем существовании, а внешнее существование загорится огнем внутреннего, духовного значения; тогда „право само по себе“ окажется тождественным с „правом положительным“, возникнет „образ“ правовой действительности, т. е. целостное явление свободы, или, что то же, осуществится „идея“ права.⁹ До тех же пор внутренняя правота воли остается по отношению к внешним объектам „лишь возможностью“, ¹⁰ правовым „позволением или полномочием“. ¹¹ *Единичной воле как силе решающей¹² надлежит осуществить это полномочие: принять „особенное“ содержание инобытия и увести его в глубину „всеобщего“ лона.* Так осуществится общий спекулятивный закон в сфере права.

Абстрактная воля развивается так же, как развивалась душа и выросло сознание. Она приемлет объект, полагает себя в него, утверждает себя в нем, получает через него внешнее существование, потребляет и усваивает его, затем покидает его и, наконец, обремененная господством и содержанием, возвра-

¹ Recht. 75.   ² См. главу пятнадцатую.   ³ „Verletzen“. Recht. 76.
⁴ Recht. 76.   ⁵ Ср.: Recht. 135.   ⁶ Recht. 146.   ⁷ См. главу тринадцатую.
⁸ Ср.: Recht. 75. 75 (Z.).   ⁹ Ср.: Recht. 78. 135.   ¹⁰ Recht. 75.
¹¹ Recht. 76.   ¹² „beschliessend“. Recht. 76.

щается в себя свободною. Она преодолевает в объекте его дурную самобытность, изолированность, бесцельность, случайность и неодухотворенность; преодолению этих свойств в объекте соответствует преодоление субъектом в самом себе непосредственности, абстрактности, произвольности, внешней обращенности и расколотости: *внешний процесс освобождения есть, как всегда, его ipso процесс внутреннего самоуглубления.*

Описывая в этом ряду акты правой воли, Гегель продолжает вкладывать новое, особое значение в юридические термины. Все категории юриспруденции, из которых некоторые, например частно-правовые, имели и в то время зрелое содержание, получают у него чисто спекулятивное истолкование. В философии права Гегеля нельзя разуместь обычное за обычными названиями: простодушный исследователь, забывший это правило, не выйдет из состояния недоразумения. Ибо Гегель все время имеет в виду не „право“, а „правое состояние воли“; и не „правовой институт“, а „деяние и состояние воли, освобождающейся во внешней жизни и углубляющейся внутренне“. Гегель ставит один и тот же вопрос применительно к каждому правовому состоянию: *правый ли это status воли?* Работа его определяется тем, осуществляет ли этот status по-новому сущность свободы и воли; если осуществляет, то он духовно *необходим* и, следовательно, духовно обоснован, или, что то же, он есть правый status: тогда остается выяснить *как* он возникает (его „место“ в спекулятивном ряду) и в *чем* именно он подвигает вперед дело самоосвобождения воли. Вот почему Гегель настаивает на систематичности и „необходимом“ характере естественно-правового ряда¹ и в то же время не устает подчеркивать, что он исследует все категории с точки зрения их „правового значения“ или „правомерности“.² Понятно, что эта правомерность проистекает из *ius naturale*.

Обращаясь к внешним объектам и принимая их за чуждых пришлецов, воля встречается прежде всего и непосредственно — с *неодушевленной вещью*³ и вступает с нею в „процесс“. Эта вещь⁴ есть фрагмент чисто внешнего⁵ существования: она непосредственна,⁶ не субстанциальна⁷ и не самостоятельна,⁸ она оторвана и отлична от духа⁹ и противостоит ему как нечто „безвольное“, „несвободное, безличное и несправное“, ¹⁰ как нечто не имеющее своей цели.¹¹ Эти вещи отнюдь не „вещи в себе“, ¹² и воля человека имеет над ними власть, ибо она есть

¹ Ср.: Recht. 55. 394. (Z.). 121. 141 и др. ² Ср., напр.: Recht. 27. 28. 30. 107 (Z.). 113 (Z.). 121. 141 и др. ³ В процессе „собственности“ отношение к другим людям отсутствует: Recht. 89. и др. ⁴ „Sache“, „Ding“. Ср.: Recht. 79. 80. 81. 82. ⁵ Recht. 79. 82. ⁶ Recht. 78—79. ⁷ Recht. 79. ⁸ Recht. 82. 83 (Z.). ⁹ Recht. 81. ¹⁰ Recht. 79. 81; ср.: Enc. III. 379. ¹¹ Recht. 82 (Z.). 99. ¹² Recht. 82. 82 (Z.).

их „идеализм“ и их „истина“.¹ Вся сфера вещей имеет назначение — создать для человека новую „сферу свободы“,² и это выражается в том, что человек, имеет „абсолютное право присвоения по отношению ко всем вещам“.³ Человек имеет *вещное* право; оно принадлежит ему *как лицу*, и потому оно есть его *личное* право; посему нелепо и неверно различать эти два вида прав.⁴

Свое лично-вещное право *быть свободным властелином вещей*, человек осуществляет тем, что вкладывает свою волю⁵ в любую⁶ вещь и сообщает ей, таким образом, *свою цель, свое определение и свою душу*.⁷ Воля его получает новый способ бытия — *вещный*, а вещь „снимается“, преобразуется и становится в ряд духовной жизни,⁸ ибо она *служит целям духа*. Понятно, что для этого вещь должна быть неодухотворенной и безличной: человек не есть вещь и не имеет *в другом человеке* свою „истину“: *рабство лица* исключается естественным правом.⁹

Внешняя власть лица над вещью дает воле владение¹⁰ (Besitz). Однако владение предполагает, что свободная воля *вышла* за свои пределы, проникла в вещь,¹¹ утвердилась в ней и *усвоила* ее. Владующая воля *одолела* сопротивление вещи и одухотворила ее; в результате дух человека находит в вещи *самого себя*,¹² свои цели и свои определения: он становится для себя *своим собственным предметом*. Именно постольку владеющее состояние воли истинно и правомерно и является *собственностью*.¹³ Собственность образует, таким образом, новую действительность;¹⁴ она дает новое бытие воле, новое существование *лицу*.¹⁵ Каждому лицу надлежит иметь личную, частную собственность:¹⁶ этого требует его свобода, это необходимо для его действительности. Ни собственность, ни коммунизм не могут сковать или вытеснить этого права.¹⁷ Высшее состояние воли (государство) может ограничить произвол частного собственника,¹⁸ но справедливость (Gerechtigkeit) требует, чтобы соб-

¹ Recht. 82. См. главу четвертую, одиннадцатую и тринадцатую. ² Recht. 78; ср.: Enc. III. 380. ³ Recht. 81. ⁴ Recht. 77. ⁵ Recht. 81. 89 (Z.). 131 Enc. III. 380. ⁶ Recht. 81. ⁷ Recht. 81. ⁸ Ср.: Recht. 82 (Z.). ⁹ Recht. 81. 96. ¹⁰ Ср.: Recht. 83; Enc. III. 380. ¹¹ „Durchdringung“. Recht. 90. ¹² Ср.: „mit sich selbst zusammengeschlossen“: Enc. III. 380. ¹³ „Die Seite aber, dass Ich, als freier Wille mir im Besitze gegenständlich und hiermit auch erst wirklicher Wille bin, macht das Wahrhafte und Rechtliche darin, die Bestimmung des Eigenthums aus“: Recht. 83. ¹⁴ Ibidem. ¹⁵ Ср.: Recht. 83. 84 (Z.). 88. 88 (Z.). ¹⁶ Recht. 83. 87 (Z.). 88 (Z.); особенно 84. Интересно, что в своем более раннем трактате „Ueber die wissenschaftlichen Behandlungsarten des Naturrechts“ от 1802 года, Гегель, по-видимому, под влиянием Платона, считал необходимым освободить высшее сословие от владения, собственности и труда, как не абсолютных состояний. Ср.: W. Beh. 380. 381. 384. 385. 398. 410. ¹⁷ Ср.: Recht. 83. 84. 85 (Z.). Ср.: W. Beh. 355. ¹⁸ Recht. 84. Ср.: W. Beh. 374. 410.

ственность была у каждого,¹ ибо *каждый есть лицо*. Это не значит, что необходимо и разумно имущественное равенство: люди не равны ни от природы, ни по духу;² они „равны“ лишь как „правовые личности“³ и постольку им всем одинаково надлежит иметь частную собственность; размеры же ее не определяются естественным правом и остаются правовой случайностью.⁴

В качестве первой „собственности“ человека осмысливается его телесное состояние: *тело* есть душа в ее внешнем существовании; душа владеет своим телом, „подъемлет“ его и утверждает в нем себя:⁵ она живет в теле лишь постольку, поскольку хочет,⁶ она имеет власть отвлечь себя от него и уйти в свою сокровенную глубину.⁷ В этом ее свобода. Но как целостный „образ“ душа тождественна со своим телом и утверждает в нем *внешнее* бытие своей личности и своей свободы.⁸ Подобно этому воля относится и к вещи.

Собственность, по Гегелю, возникает при наличности, во-первых, „согрус“, т. е. реальной встречи проникающего и претворяющего духа⁹ с противящейся ему материей,¹⁰ и, во-вторых, „анимус“, т. е. внутреннего, волевого акта,¹¹ направленного к присвоению.¹² Однако полнота освобождения достигается через прохождение трех этапов: *завладения, пользования и отчуждения*.

Завладение (Besitznahme) есть выход воли из себя и переход в вещь. Оно осуществляется или телесным *взятием* (способ наиболее чувственно-явный, но спекулятивно не одухотворенный),¹³ или *формированием* (способ наиболее спекулятивный, ибо сращивающий внутреннее с внешним в тождество, в идею),¹⁴ или *указанием* (способ, наиболее властный, превращающий вещь в мою принадлежность силою одного знака).¹⁵

Пользование (Gebrauch) есть пребывание воли в вещи. Это пребывание осуществляет основное значение собственности: *тождество*¹⁶ субъекта (лица) и объекта (вещи). Для того чтобы воля и вещь стали тождественны, одна из них должна утратить свое качество; и вот, субстанциальная воля утверждает себя, а несубстанциальная¹⁷ вещь гибнет¹⁸. Она гибнет потому, что воля изменяет, уничтожает, потребляет ее¹⁹ и тем обнаруживает ее несамобытную²⁰ природу. Все назначение²¹ вещи в том, чтобы

¹ Recht. 88 (Z.).   ² Recht. 86. 87.   ³ Ibidem.   ⁴ Recht. 86. 87. 87 (Z.). 88 (Z.).   ⁵ Recht. 85. 90. 94. 95. См. главу пятнадцатую.   ⁶ Recht. 85. ⁷ Ср.: W. Beh. 369. 370. Recht. 86. 131.   ⁸ Recht. 76. 85. 86. Enc. III. 379. ⁹ Recht. 90.   ¹⁰ Recht. 89.   ¹¹ „Willensaktus“: Recht. 89 (Z.).   ¹² „dass etwas mein sein soll“: Recht. 88.   ¹³ Ср.: Recht. 92. 93.   ¹⁴ Ср.: Recht. 93—96.   ¹⁵ Recht. 96—97. 97 (Z.).   ¹⁶ Recht. 98 (Z.). 100.   ¹⁷ Recht. 99. ¹⁸ Recht. 98 (Z.).   ¹⁹ Recht. 97.   ²⁰ „selbstlose Natur“: Recht. 97. ²¹ „Bestimmung“: Recht. 97.

целостно проникнуться¹ и одухотвориться моею волею. Ибо только *целостное пользование* вещью² охватывает ее „тотальность“ и осуществляет „собственность“ (т. е. вещьную объективность моей воли)³ как идею.⁴ Собственник располагает не только *ценностью* вещи (Werth), т. е. всеобщую основу⁵ ее специфической пригодности,⁶ но и всю полнотою ее внешней полезности;⁷ иначе он не собственник. Вот почему собственность есть непременно *полная и свободная* собственность,⁸ и принципиальное ограничение ее означает ее конец.⁹ Свобода собственности должна быть поставлена рядом со свободою личности, провозглашенною христианством.¹⁰

Отчуждение (Entäusserung) есть *возвращение* воли к себе.¹¹ Оно состоит в том, что воля оставляет внешний состав вещи (derelinquieren),¹² перестает вкладывать в него свою волю¹³ и возвращается к себе с сознанием своей вещьной опосредствованности и властности. Понятно, что воля может „бросить“ и *сделать чуждым себе* только то, что действительно *внешне* для нее (entäussern), что *не* составляет ее *субстанциальной сущности*.¹⁴ Поэтому неотчуждаема моя личность, свобода моей воли, моя разумность, самостоятельность моих нравственных и религиозных убеждений:¹⁵ естественное право не допускает рабства, крепостничества, запрета иметь собственность, стеснений совести, суеверий,¹⁶ словом всего, что искажает или порабощает всеобщую и бесконечную сущность моего разумного самосознания.¹⁷ Все отчуждения подобного рода не имеют значения, ибо *по праву* нельзя отчудить то, что не внешне. Поэтому раб имеет абсолютное право вернуть себе свободу;¹⁸ поэтому человек не может отчудить *все* свои силы, или *все* свое время,¹⁹ или самую жизнь свою.²⁰ Это значило бы отказаться от всей „тотальности“ своих проявлений и акциденций, т. е. от *самого духа* и от *самой субстанции*, ибо по общему правилу тотальность „обособлений“ равна самой всеобщей субстанции.²¹ Отсюда — естественные ограничения для авторского права (неотчуждаемость духовного своеобразия)²² и недопустимость самоубийства.²³

Воля, подчинившая себе и усвоившая вещь, необходимо встречается в этом процессе вещьного освобождения с другою волею,

¹ „gänzlich durchdrungen“: Recht. 99.   ² „ganzer Umfang des Gebrauchs“: Recht. 99.
³ „Ich mir in der Sache, als positiver Wille objektiv“: Recht. 99.
⁴ Recht. 100.   ⁵ „Allgemeinheit“: Recht. 102.   ⁶ „specifische Brauchbarkeit“: Recht. 101; Enc. III. 381.   ⁷ Recht. 102.   ⁸ Recht. 99.   ⁹ Cp. o „proprietas semper abscondente usufructu“ и „dominium utile“: Recht. 100.
¹⁰ Recht. 101.   ¹¹ Recht. 91. 106. Enc. III. 380.   ¹² Recht. 105.   ¹³ Recht. 105. Enc. III. 380.   ¹⁴ Recht. 105.   ¹⁵ Recht. 105.
¹⁶ Recht. 106.   ¹⁷ Recht. 105. 106.   ¹⁸ Cp.: Recht. 106. 107. 107 (Z.).   ¹⁹ Recht. 107.   ²⁰ Recht. 112. 112 (Z.) 113 (Z.).   ²¹ Recht. 107. 108. См. главу пятую.   ²² Recht. 107—112.   ²³ Recht. 112. 113.

стремящуюся освободить себя в той же самой вещи; она видит в другой воле инобытие и вступает с нею в новый процесс социального самоосвобождения. Она стремится иметь собственность не только через посредство вещи и себя, но и через посредство другой воли; она стремится найти и утвердить свое желание в чужой воле и достигает этого посредством договора.¹

Договор устанавливает единство различных волей, сохраняющих свою самостоятельность и своеобразие.² Каждый из договаривающихся становится, остается собственником и утрачивает собственность только по своей и по чужой воле,³ решение одного возникает лишь при наличии решения у другого,⁴ и оба решают одно и то же. Слагается „тождественная“ воля двух собственников, основанная на их произвольном решении.⁵ Но так как стороны встречаются лишь поверхностно, своими „особенными“ волями, и остаются поэтому субстанциально обособленными: так как они сами произвольно устанавливают пределы своей относительной тождественности и не восходят еще к единому, абсолютно-тождественному, всеобщему духу, то тождественная воля, созданная ими, остается лишь общей волей (gemeinsamer Wille) и не совпадает с истинной, всеобщей волей разума.⁶ Слияние договаривающихся волей остается „объективно“ и „субъективно“ ограниченным: предметом договора служит только то, что может быть внешне и чуждо воле (единичная вещь),⁷ и стороны существуют друг для друга только в качестве собственников.⁸

Поверхностность этого волевого тождества делает договор неподходящей формой для всякого высшего нравственного состояния: свести к договору конкретную глубину брака, как сделал, например, Кант, или государства, как сделал, например, Руссо, значит внести в их понимание величайшую путаницу и деградацию.⁹

Однако договоры все же могут быть более или менее подобны спекулятивному симбиозу. В зависимости от этого они разделяются на реальные, в которых происходит действительный обмен ценностей (хотя и не „спекулятивных содержаний“),¹⁰ и формальные, в которых одна сторона только отчуждает, а другая только принимает.¹¹ „Реальный“ договор выше „формального“ потому, что он имеет скрытое подобие органического единения: каждая сторона является „тотальностью“ функций.¹² Все

¹ Recht. 113. 114. Ср.: Enc. III. 380.   ² Recht. 115.   ³ Recht. 115.
⁴ Recht. 115.   ⁵ Recht. 115. Enc. III. 381.   ⁶ Ср.: Recht. 115. 116. 125 (Z.). Lass II. 443—444.   ⁷ Recht. 116.   ⁸ Recht. 76. Ср.: Enc. III. 380.
⁹ „grösste Verwirrungen“, „Schändlichkeit“: Recht. 116; ср.: W. Beh. 411. Würt. 263. 264; ср.: Lass. II. 448—449: „höchste Vernunftwidrigkeit und Infamie“.
¹⁰ См. главу седьмую.   ¹¹ Recht. 117. 118.   ¹² Recht. 117.

юридические деления договоров (например, на „односторонние“ и „двусторонние“, ¹ „реальные“ и „консенсуальные“) ² оказываются несущественными перед этим делением. ³

Каждый договор независимо от того, реален он или формален, есть *действительность* волевой свободы и потому имеет *двойной* состав: внутренний, субстанциальный и внешний, осуществляющий. Субстанциальна в договоре *волевая* сторона: два согласных *волеизъявления*, ⁴ открывающие духовное совпадение *воль*, т. е. две *стипуляции*. ⁵ Стипуляция не есть простое обещание (*Verprechen*), субъективное и изменимое, ⁶ но законченное и состоявшееся *решение*. ⁷ Она уже совершила отчуждение, установила „общую“ волю и упразднила произвол. ⁸ Поэтому она есть субстанциальное в договоре; она образует его правовой состав. ⁹ *Исполнение* стипуляции является лишь естественным, юридически обязательным, внешним осуществлением договора. ¹⁰

Но именно исполнение договора открывает новую, высшую несвободу в человеческой воле: исполнение может быть *неправильным* и даже *противоправным*; мало того, оно может быть *задумано и стипулировано* в виде обмана, и, наконец, оно может совсем не состояться и уступить свое место *насилию и преступлению*. Воля оказывается способною к „неправде“ и *противоправному* состоянию.

К *неправде и преступлению* воля способна потому, что она *абстрактна*, т. е. отвлечена или оторвана от своей *всеобщей* глубины, а следовательно, и от „права самого по себе“, и заполнена случайным и внешним содержанием. ¹¹ В договоре воля еще не преодолела свое „особенное“ и „произвольное“ состояние как таковое, но ограничила его лишь применительно к единичной вещи, к объекту договора. ¹² И вот в жизнь вступает *произвол заинтересованного лица*.

Сущность неправды и преступления состоит в том, что воля в своем *существовании* повергает себя в *неправое состояние*. Это означает, что „право само по себе“ (т. е. правый *status* воли) остается скрытым, эмпирически недейственным, лишь „*по себе*“ сущим состоянием воли. Право не „является“, т. е. не осуществляется; является и осуществляется не право. Разумная и свободная сущность воли, которая может иметь существование (*Existenz*) *только* в лице особенной, индивидуальной воли, ¹³

¹ Recht. 118—119.   ² Recht. 121.   ³ Гегель дает и более подробное деление договоров, совпадающее с делением, предложенным у Канта и нелишенное чисто юридического интереса. Recht. 122—125.   ⁴ Recht. 117. 117 (Z.). 119.   ⁵ Recht. 119. 120.   ⁶ Recht. 120.   ⁷ „vollbrachte Abschliessung“: Recht. 119.   ⁸ Recht. 121. Enc. III. 381.   ⁹ Recht. 120.   ¹⁰ Recht. 119. 120. 121. Enc. III. 381. 381.   ¹¹ Recht. 76. 125. 125 (Z.) 126; ср.: „accidenteller Willen“: Enc. III. 382.   ¹² Recht. 125.   ¹³ Recht. 125.

оказывается оттесненной ею и замененной индивидуальным произволом. В результате явление *Права* (Ergscheingung) превращается в *видимость* (Schein):¹ произвол утверждает какое-то свое „особенное право“² не соответствующее сущности, т. е. „праву самому по себе“.³ И вот, судьба этой видимости заложена в ней самой: призрак, пытающийся утвердиться самостоятельно,⁴ ничтожен,⁵ и скрытая сущность разоблачает и упраздняет его так, как упраздняется все *конкретно-эмпирическое*.⁶ „Право само по себе“ восстает и отрицает *произвольное право* (негация негации);⁷ этим оно устанавливает новое *тождество* между *собою и внешне обособившейся волею* и восстанавливает свое значение, этим оно создает и свою *действительность*, ибо действительно то, что *действует* и утверждает себя в своем *инобытии*.⁸

Есть три основных вида „неправды“: *ошибка, обман и преступление*.

Ошибка есть такая *видимость права*, которую человек добросовестно (unbefangen) принимает за настоящее, истинное право, за „право само по себе“.⁹

Пребывая в качестве явления в сфере эмпирически конечных обстоятельств, воля запутывается в договорных недоразумениях и непредвиденных событиях и вступает в правовую коллизию с другой волей.¹⁰ Она утверждает свою правоту и приводит правовые основания (Rechtsgründe);¹¹ она признает и чтит „право само по себе“ как истинное и всеобщее и ждет от него решения;¹² она не желает ничего противоправного и не подлежит наказанию;¹³ напротив, она ищет права, стремится представить его себе, требует его, как должного;¹⁴ она отрицает только правовые основания встречной воли и настаивает на своем, противоположном, особенном интересе.¹⁵ Таков гражданский спор.¹⁶ И если воля согласно допущению оказывается в состоянии *ошибки* и „неправды“, она подчиняется *правовому* решению и остается *свободною*, ибо торжествует то, чего она сама искала и хотела, — „право само по себе“. Ее *неправда* была в том, что она *отстаивала свой особенный интерес, не совпадающий со всеобщею волею*; этим она низводила „право само по себе“, ибо ставила его в положение чего-то не реального, „должного“, требуемого и лишь субъективно воображаемого,¹⁷ тогда как истинное значение его в том, чтобы *быть всегда живою, реальною силою индивидуальной души*.

¹ Recht. 126.   ² Recht. 126; ср.: Enc. III. 383.   ³ Recht. 127 (Z.).
⁴ Recht. 127 (Z.).   ⁵ Recht. 126.   ⁶ См. главы первую, вторую, одиннадцатую и двенадцатую.   ⁷ Recht. 126.   ⁸ Recht. 126.
⁹ Recht. 128 (Z.). 129. 129 (Z.). 130 (Z.).   ¹⁰ Recht. 128. 129 (Z.). Enc. III. 382.   ¹¹ Recht. 128. Enc. III. 382.   ¹² Recht. 129. 129 (Z.).
¹³ Recht. 131 (Z.).   ¹⁴ Recht. 129. 130. Enc. III. 382.   ¹⁵ Recht. 129.
¹⁶ Recht. 129. Enc. III. 382.   ¹⁷ Recht. 129. 130.

Обман есть такая видимость права, которую человек произвольно создает для того, чтобы выдать ее другому человеку за истинную сущность права.¹

Преследование своего особенного интереса, в отрыве от всеобщей воли, приводит человека к тому, что содержание „права самого по себе“ становится для него неважным.² Он, впрочем, не признается в этом открыто, но делает вид, будто чтит и соблюдает его.³ На самом же деле он работает над тем, чтобы подменить его лживым призраком.⁴ Вступая в договор, он сосредоточивает свои усилия на том, чтобы вызвать доверие к этому призраку в чужой душе; он чтит чужую „особенную волю“ и намеренно искажает всеобщее и субстанциальное.⁵ Его воля вступает в состояние зла⁶ и лицемерия и осуществляет корысть и произвол; она направлена против права и одним существованием своим взывает к его восстановлению.⁷ Она являет собою неправый статус, и наказание погашает эту неправоту.⁸

Эта погашающая сила наказания обнаруживается с особенной ясностью тогда, когда воля впадает в состояние преступления.

Преступление есть такая видимость права, которую человек насильственно⁹ и открыто поставляет на место „права самого по себе“, в явное противоречие ему и в отмену его.¹⁰

Всякое преступление есть насилие, учиненное над свободной волей в ее внешнем существовании.¹¹ Свободная воля сама по себе не может быть подвергнута насилию и принуждению, ибо она есть внутренняя духовная мощь и обладает властью выйти из контакта с насилующим и уйти в свою свободную глубину; она имеет силу отвалить себя от всякого представления¹² и в крайнем случае прибегнуть к смерти как высшей абстракции от внешнего.¹³ Поэтому принуждение и насилие ничтожны¹⁴ перед лицом свободной воли: подвергается принуждению лишь тот, кто хочет ему подвергнуться и вовремя не выходит из внешнего существования за пределы досягаемости.¹⁵ Однако внешнее существование воли как таковое делает ее досягаемой и может подвергнуть ее насилию и принуждению.¹⁶ В собственности (тело и вещь) воля облекла себя именно во внешнее бытие¹⁷ и тем подвергла себя опасности. И вот, преступление может нарушить телесное и вещное бытие правой воли, хотя оно и не в состоянии

¹ Recht. 128 (Z.). 130.   ² Enc. III. 383.   ³ Recht. 128 (Z.).   ⁴ Recht. 128 (Z.). 130.   ⁵ Recht. 130 (Z.). 130. Enc. III 383.   ⁶ Enc. III. 382—383.   ⁷ Recht. 131.   ⁸ Recht. 131 (Z.).   ⁹ Ср.: „gewalthätig böser Wille“: Enc. III. 382.   ¹⁰ Recht. 133.   ¹¹ Recht. 131.   ¹² W. Beh. 367. 370. 405. Recht. 131.   ¹³ W. Beh. 370. 392.   ¹⁴ W. Beh. 341. 366—368. 405. Enc. III. 383.   ¹⁵ W. Beh. 362—363. Enc. III. 384. Recht. 131.   ¹⁶ Recht. 131. Enc. III. 384.   ¹⁷ Recht. 131.

попирать, отменить или унижить „право само по себе“, т. е. внутреннюю жизнь свободной воли.¹

Сущность преступления в том, что *воля одного человека, оторвавшись от всеобщих корней, нарушает и попирает своим внешним проявлением внешнее бытие другой воли.*² Это состояние, по существу своему, противоречит праву.³ Мало того, это есть состояние „внутренне противоречивое“: ибо воля насилующая и воля насилуемая суть индивидуальные модусы *единой, всеобщей, субстанциальной воли народа.*

Гегель видит в преступлении не просто деяние одного человека, поправшего внешнюю свободу другого, но, прежде всего, состояние *единой, всеобщей воли.* Воля насилующая и воля насилуемая состоят в скрытом от них, лишь „по себе сущем“ *духовном тождестве*, т. е. в конкретном, спекулятивном единстве. Всеобщая воля дважды раскололась: во-первых, „количественно“ — на множество единичных волей, и, во-вторых, „качественно“ — на индивидуально-всеобщую, свободную волю и индивидуально-особенную, освобождающуюся и посягающую волю. Преступление состоит в том, что воля, нуждаясь во внешнем существовании (для того чтобы стать „идеей“⁴) и достигнув уже в нем „вещной“ и „договорной“ свободы, сама (в состоянии индивидуально-особенном) нарушает и попирает свою свободу в ее внешнем бытии.⁵ В преступлении воля налагает сама на себя руки и необходимо, чтобы она сделала усилие и сама восстановила свое свободное, т. е. правовое состояние. Это и достигается в *наказании.*

Поэтому, если *преступление есть первое, противоправное насилие*, нарушающее свободу, то *наказание есть второе, правомерное насилие*, восстанавливающее ее.⁶

„Преступающая“ воля отрицает открыто и „право само по себе“, и внешнюю свободу пострадавшего лица;⁷ она насилует чужую волю и этим *отрицает ее способность к свободной, правовой жизни*, т. е. ее правоспособность.⁸ Преступная воля желает „неправого“ и уже не притворяется:⁹ она открыто ведет противоправное существование. Она не отменяет и не искажает этим „права самого по себе“, но только игнорирует его субстанциальность и мощь. Она действует так, как если бы *ее собственная разумная и всеобщая природа, „тождественная“ с разумною и всеобщую природою пострадавшего и всех остальных,*¹⁰ прекратила свое бытие и утратила свое субстанциальное значение.

¹ Recht. 134. 136 (Z.). 136—137. Enc. III. 382.   ² Recht. 132.   ³ Recht. 132.
⁴ См. главы двенадцатую и пятнадцатую.   ⁵ Ср.: Rech. 132.
⁶ Recht. 132. 133; ср.: Lass. II. 457—458.   ⁷ Recht. 133—134. 131 (Z.). 283.
Log. III. 90; ср.: Lass. II. 456—457.   ⁸ Recht. 134.   ⁹ Recht. 128 (Z.).
¹⁰ Recht. 136—137. 283; ср.: Lass. II. 453. См. главы пятую, седьмую, пятнадцатую и восемнадцатую.

И вот, сущность наказания в том, что всеобщая воля (т. е. право само по себе) совершает усилие, направленное к возвращению заблудшей индивидуально-особенной воли. Это возвращение по своему внешнему виду есть насильственная, принудительная мера, применяемая человеком к человеку, — наказание; но, по существу, это есть акт самоосвобождения: преступник, подвергаясь возмездию, приемлет лишь то, чего желает и его собственная, индивидуально-всеобщая воля и вступает вновь в единство с нею. В самом деле, возмездие как возвращающее усилие необходимо духу; следовательно, оно обосновано и справедливо.¹ Но это означает, что разумная, индивидуально-всеобщая воля самого преступника желает возмездия:² она не может не желать его, ибо она всегда желает справедливого и ведущего к свободе. Поэтому наказуемая душа сохраняет свою свободу. Самое наказание есть признание ее разумности и ее свободы: деяние, порожденное волею, хотя бы и заблудшею, порождено силою, в корне разумною. Наказание есть высокая честь, в которой нельзя отказывать человеку:³ совершая свое деяние как разумный человек, он уже дал согласие на возмездие,⁴ т. е. на субстанциальное усилие, ведущее к разуму.

Возвращая к себе обособившуюся волю, — поражая самое нарушение,⁵ отрицая самое правоотрицание,⁶ — „право само по себе“ совершает необходимую работу Эвменид, пробужденных преступлением.⁷ Необходимо погасить существование преступления,⁸ устранить,⁹ уничтожить¹⁰ состоявшееся зло,¹¹ осуществить и восстановить правый порядок,¹² возродить и утвердить свободу воли от произвольных уклонений и особенных целей. В этом и назначение возмездия:¹³ не ответить злом на зло;¹⁴ не устрашить человека угрозой, приравнивая его несвободному животному,¹⁵ но восстановить свободу его воли,¹⁶ т. е. ее номенальную¹⁷ всеобщность и правоту. Ибо воля свободна только тогда, когда она живет в единстве с правом.

Правое возмездие — не в виде произвольно и субъективно определяемой мести,¹⁸ но в виде „наказующей справедливости“, свободной от субъективного интереса и случайности,¹⁹ — предпо-

¹ Recht. 138. 139.   ² Recht. 139. 140.   ³ Cp.: Recht. 139. 140. 175.
⁴ Recht. 140.   ⁵ „Verletzung der Verletzung“: Recht. 140. 137. 139.   ⁶ „Negation der Negation“: Recht. 136 (Z.); cp.: Lass. II. 453. 501.   ⁷ Recht. 143 (Z.).
⁸ Cp.: Recht. 137. 138.   ⁹ „wegräumen“: Recht. 138.   ¹⁰ „Vernichtung“:
Recht. 135; cp.: 294—295.   ¹¹ „Uebel“: Recht. 138.   ¹² „Wiederherstellung
des Rechtes“: Recht. 137; cp.: 286. Phän. 124.   ¹³ „Wiedervergeltung“: Recht.
140. 143 (Z.). W. Beh. 370—371.   ¹⁴ Recht. 137; Гегель не противоречит
себе, говоря о „rächende Gerechtigkeit“: Lass. II. 453. Это ясно из контекста.
¹⁵ „wie ein Hund behandelt“: Recht. 139 (Z.).   ¹⁶ W. Beh. 371; cp.: Lass. II.
452. 501.   ¹⁷ Phän. 122.   ¹⁸ Recht. 144. 145 (Z.). 146 (Z.). 286. Enc.
III. 383. 400.   ¹⁹ Recht. 145. Enc. III. 383; cp.: Lass. II. 461—462.

лагает *верную волю* судьи, направленную на всеобщее, на „право само по себе“; оно ведет к созданию такой же воли у преступника. Эта верная воля *свободна в праве и права в своей свободе*. Она почерпает свое верное определение в своей правоте и в ее созерцании; она не покорствуется случаю и произволу и не обращена ко внешнему инобытию; но живет как внутреннее самоопределение, как „бесконечная“ субъективность.¹

Такое состояние воли есть уже *моральное* состояние. Душа человека, нашедшая путь к свободе в вещи и в чужой воле, научилась через неправду² правде. Она познала, что даже крайность³ преступления не может оторвать особенную волю — от всеобщей; что право не устанавливается произвольно; что единая правота вырастает и хранится в глубине человеческой души; и что всякое „право“, не согласное с этой духовной правотой, несет в себе зерно своей гибели. Душа свободна, если живет этим *единым правом*.

Однако доселе она научилась жить им лишь *во внешних делах своих*.

Глава семнадцатая

МОРАЛЬ

Мораль есть *истина абстрактного права*, т. е. высшая, более свободная и более конкретная ступень в ряду *правых состояний воли*.

Мораль есть *высшая* ступень потому, что воля человека вступает на ее уровень, лишь пройдя через посредство „абстрактного права“ и преодолев его определения. Моральное состояние воли в отличие от абстрактно-правового уже не примитивно: воля испытала встречу с *вещью* (собственностью) и с *чужою овеществленной волею* (договор) и осуществила в этой „вещной“ обращенности свой внутренний раскол до конца (преступление). Она утвердила свое тождество с *вещью* и оторвалась от нее; она установила свою общность с волею другого собственника и укрепила себя его согласием; она извела уклон

¹ Recht. 146. 146 (Z.). 147 (Z.); ср.: Епс. III. 384—385. ² Включение „преступления“ и „наказания“ в спекулятивный ряд пути Божия совсем не означает, что *каждый* человек становится *неизбежно* преступником и получает возмездие. Сумасшествие и преступление суть *крайности*, которые должны быть преодолены „человеческим духом вообще“; отдельным же людям они могут быть присущи и в смягченном виде, в виде „ограниченностей, ошибок, нелепых поступков и непреступной вины“: Епс. III. 201—202. ³ „Extrem“: Епс. III. 201.